

Т. О. Маколей

Полное собрание сочинений

**Том 8. История Англии. От восшествия на
престол Иакова II. Часть 3**

УДК 93
ББК 63.3
М16

М16 **Маколей Т.О.**
Полное собрание сочинений: Том 8. История Англии. От восшествия на престол Иакова II. Часть 3 / Т. О. Маколей – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 528 с.

ISBN 978-5-518-06771-4

Издание Николая Тиблена.

ISBN 978-5-518-06771-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИСТОРИЯ АНГЛИИ.

ГЛАВА VII.

Мѣсто, которое Вильгельмъ Генрихъ, принцъ Оранско-Нассаускій, занимаетъ въ исторіи Англій и человѣчества, такъ важно, что не лишнимъ будетъ пообстоятельнѣе изобразить рѣзкія черты этого характера (*).

Принцъ
Вильгельмъ
Оранскій.

Ему шель тогда тридцать седьмой годъ. Но и тѣломъ и духомъ онъ казался старше другихъ людей того же возраста. Дѣйствительно, можно было бы сказать, что онъ никогда не былъ молодъ. Его наружность знакома намъ почти такъ же хорошо, какъ и его полководцамъ и совѣтникамъ. Ваятели, живописцы и медальеры употребили все свое искусство, чтобы передать его

Его наружность.

(*). Главные матеріалы, на основаніи которыхъ я составилъ характеристику принца Оранскаго, находятся въ «*Исторіи*» Борнета, въ мемуарахъ Темпля и Гурвиля, въ дипломатическихъ бумагахъ графовъ д'Эстрада и д'Аво, въ письмахъ сэра Джорджа Доунинга къ лорду-канцлеру Кларендону, въ многотомной «*Исторіи*» Вагенаара, въ Van Камреве's «*Karakterkunde der Vaderlandsche Geschiedenis*» и преимущественно въ конфиденціальной перепискѣ самого Вильгельма, съ которой герцогъ Портландъ позволилъ сэру Джеймсу Макинтошу снять копію.

черты потомству; а черты его были таковы, что художникъ не могъ не потрафить ихъ, и таковы, что, увидѣвши разъ, нельзя было никогда ихъ забыть. При его имени, намъ тотчасъ представляется худощавый и хилый станъ, высокій и широкій лобъ, носъ, загнутый на подобіе орлиного клюва, глаза, въ блескъ и зоркости не уступавшіе орлинымъ, многодумное и нѣсколько угрюмое выраженіе лица, твердо и нѣсколько сурово сжатые губы, блѣдныя и впалыя щеки, глубоко изборозденныя недугомъ и заботами. Этотъ задумчивый, строгій и торжественный видъ едва ли могъ бы принадлежать счастливому или веселому человѣку. Но онъ несомнѣннымъ образомъ показываетъ способность, которой подъ силу самыя трудныя предпріятія, и мужество, которому ни по чемъ превратности счастья и опасности.

Его отро-
чество и
воспита-
ніе.

Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя; а воспитаніе развило эти качества въ необыкновенной степени. Съ крѣпкимъ природнымъ смысломъ и рѣдкою силою воли, онъ, когда умъ его только-что началъ пробуждаться, очутился круглымъ сиротою, главою большой, но подавленной и упавшей духомъ партіи, наслѣдникомъ обширныхъ и безграничныхъ притязаній, возбуждавшихъ страхъ и отвращеніе олигархіи, которая тогда господствовала въ Соединенныхъ провинціяхъ. Простой народъ, искренно привязанный въ теченіе столѣтія къ его дому, всякій разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, заявлялъ несомнѣннымъ образомъ, что считалъ его законнымъ своимъ главою. Искусные и опытные министры республики, смертельные враги его фамиліи, являлись каждый день свидѣтельствовать ему притворное почтеніе и наблюдать за развитіемъ его ума. Они тщательно подмѣчали первыя проявленія его честолюбія и записывали каждое сказанное имъ неосторожное слово. Онъ не имѣлъ при себѣ ни одного совѣтника, на котораго могъ бы положиться. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, какъ подозрительное правительство удалило изъ его дома всѣхъ слугъ, преданныхъ его интересамъ, или мало-мальски пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ протестовалъ съ энергіей, необыкновенной въ его лѣта, но протестъ оказался безплоднымъ. Внимательные наблюдатели видѣли, какъ слезы не разъ закипали въ глазахъ молодаго государственнаго плѣн-

ника. Его отъ природы нѣжное здоровье разстроилось на время отъ душевныхъ волненій, причиненныхъ безотраднѣмъ положеніемъ. Такія положенія смущаютъ и расслабляютъ слабыхъ, но вызываютъ наружу всю силу сильныхъ. Окруженный ловушками, въ которыхъ обыкновенный юноша погибъ бы, Вильгельмъ научился ступать бережно и въ то же время твердо. Задолго до возмужалости, онъ уже умѣлъ хранить тайны, отдѣлываться отъ любопытства сухими и осторожными отвѣтами и скрывать всѣ страсти подъ неизмѣнною личиною важнаго спокойствія. Между тѣмъ въ свѣтскомъ и ученомъ отношеніи онъ сдѣлалъ мало успѣховъ. Манеры голландской аристократіи того времени не отличались изяществомъ, которое доведено было до совершенства между французскими дворянами и которое, въ нѣсколько меньшей степени, украшало собою англійскій дворъ; а манеры Вильгельма были совершенно голландскія. Даже соотечественники считали его нелюбезнымъ. Иностранцамъ онъ часто казался грубымъ. Въ сношеніяхъ съ людьми вообще онъ обнаруживалъ непривычку или пренебреженіе къ тѣмъ тонкостямъ обхожденія, которыя удваиваютъ цѣну милости и смягчаютъ горечь отказа. Онъ мало интересовался литературою или наукою. Открытія Ньютона и Лейбница, стихотворенія Драйдена и Буало были неизвѣстны ему. Драматическія представленія утомляли его; онъ охотно отворачивался отъ сцены, чтобъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ, въ то время, какъ Орестъ безумствовалъ, или въ то время, какъ Таргюфъ жалъ руку Эльмиры. У него былъ талантъ къ сарказму, и онъ нерѣдко, совершенно безсознательно, обнаруживалъ природное краснорѣчіе. правда, неуклюжее, но сильное и оригинальное. У него, однако, не было ни малѣйшаго поползновенія прослыть остроумцемъ или ораторомъ. Его вниманіе исключительно устремлялось на тѣ занятія, которыя образуютъ энергическихъ и проницательныхъ дѣловыхъ людей. Съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ онъ слушать бесѣды о важныхъ дипломатическихъ, финансовыхъ и военныхъ вопросахъ. Геометрію зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для постройки равелина или гориверка. Языки, благодаря своей удивительно сильной памяти, зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для умѣнья

понимать и вести, безъ посторонней помощи, всякаго рода разговоръ и переписку. Голландскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ. Онъ понималъ по латыни, по итальянски и по испански. Онъ говорилъ и писалъ по французски, по англійски и по нѣмецки, неизящно, правда, и неправильно, но бѣгло и вразумительно. Никакое другое качество не могло имѣть болѣе важнаго значенія для человѣка, жизнь котораго должна была пройти въ составленіи великихъ союзовъ и въ командованіи разноплеменными арміями.

Его бого-
словскія
мысли.

Одинъ разрядъ философскихъ вопросовъ былъ навязанъ его вниманію обстоятельствами и, кажется, интересовалъ его болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ общаго строя его характера. Между протестантами Соединенныхъ провинцій, какъ и между протестантами нашего острова, существовали двѣ великія религіозныя партіи, которыя почти вполнѣ совпадали съ двумя великими политическими партіями. Представители муниципальной олигархіи были арминіане и въ глазахъ простаго народа почти ничѣмъ не отличались отъ папистовъ. Принцы Оранскіе, напротивъ, покровительствовали кальвинистскому духовенству и не малою долею популярности обязаны были своему рвенію о догматахъ предопредѣленія и неизмѣнной благодати, рвенію, не всегда просвѣщенному знаніемъ и не всегда умѣренному гуманностью. Вильгельмъ съ дѣтства тщательно былъ обученъ богословской системѣ, которой держалась его фамилія, и относился къ этой системѣ съ пристрастіемъ, превосходившимъ даже то чувство, какое обыкновенно питаютъ люди къ своей наслѣдственной вѣрѣ. Онъ много размышлялъ о великихъ загадкахъ, которыя обсуживались на Дортрехтскомъ соборѣ, и нашелъ въ суровой и непреклонной логикѣ Женевской школы нѣчто такое, что соотвѣтствовало его уму и характеру. Тому примѣру нетерпимости, который подавали нѣкоторые изъ его предшественниковъ, онъ никогда не подражалъ. Ко всякому гоненію питалъ онъ рѣшительное отвращеніе, которое заявлялъ не только тамъ, гдѣ заявленіе очевидно требовалось политическими соображеніями, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по видимому, интересы его выиграли бы отъ притворства или молчанія. А между тѣмъ его богослов-

скія мнѣнія были еще рѣшительнѣе, чѣмъ мнѣнія его предковъ. Догматъ о предопредѣленіи былъ краеугольнымъ камнемъ его религіи. Вильгельмъ не рѣдко объявлялъ, что, еслибы ему пришлось отказаться отъ этого догмата, онъ долженъ былъ бы отказаться съ нимъ отъ всякой вѣры въ верховный Промыслъ и сдѣлаться просто эпикурейцемъ. За исключеніемъ этого единственнаго пункта, вся жизненная сила его могучаго духа съ раннихъ поръ обратилась отъ умозрительныхъ къ практическимъ вопросамъ. Способности, необходимыя для веденія важныхъ дѣлъ, созрѣли у него въ тотъ періодъ жизни, когда онъ едва начинаютъ расцвѣтать у обыкновенныхъ людей. Со временъ Октавія міръ не видѣлъ такого примѣра скороспѣлой политической мудрости. Искусные дипломаты изумлялись, слушая мѣткія замѣчанія семнадцатилѣтняго принца о государственныхъ дѣлахъ и еще болѣе изумлялись, видя, что этотъ юноша, даже тамъ, гдѣ отъ него можно было ожидать сильной пылкости, сохранялъ подобно имъ, невозмутимое хладнокровіе. Восемнадцати лѣтъ, онъ засѣдалъ между отцами отечества, серьезный, осторожный и разсудительный, подобно самому маститому изъ нихъ. Двадцати одного года, въ періодъ унынія и страха, онъ былъ поставленъ во главѣ управленія. Двадцати трехъ лѣтъ, онъ славился по всей Европѣ какъ воинъ и политикъ. Онъ поправилъ внутреннія факціи, сдѣлался душою могущественной коалиціи и съ честью подвизался на полѣ битвы противъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ полководцевъ того времени.

Личныя его склонности были склонностями скорѣе война,^{Его воинскія качества.} нежели государственнаго человѣка; но онъ, подобно прадѣду своему, молчаливому принцу, который основалъ Батавскую республику, занимаетъ гораздо болѣе высокое мѣсто между государственными людьми, нежели между воинами. Исходъ сраженій, разумѣется, не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ способностей полководца: и особенно несправедливо было бы прилагать это мѣрило къ Вильгельму, такъ какъ ему почти всегда приходилось сражаться противъ полководцевъ, которые были вполне мастерами своего дѣла, и противъ войскъ, которыя въ дисциплинѣ далеко превосходили его войска. Однако, есть осно-

ваніе думать. что онъ, какъ боевой генералъ, отнюдь не могъ равняться даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые далеко уступали ему въ умственныхъ способностяхъ. Тѣмъ, кому онъ довѣрялъ. онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ благородною откровенностью человѣка, который совершилъ великія дѣла и который легко могъ признать за собою нѣкоторые недостатки. По его словамъ, онъ никогда не готовился къ военному званію. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда его поставили во главѣ арміи. Между его офицерами не было ни одного, способнаго обучить его ратному дѣлу. Собственныя его ошибки и послѣдствія ихъ были единственными его уроками. «Я отдалъ бы, воскликнулъ онъ однажды, добрую часть моихъ имѣній за то, чтобъ прослужить нѣсколько кампаній подъ начальствомъ принца Конде, прежде чѣмъ мнѣ пришлось командовать противъ него.» Очень можетъ быть. что обстоятельство, помѣшавшее Вильгельму достигъ особеннаго искусства въ стратегіи, имѣло вообще благопріятное дѣйствіе на энергію его ума. Если его битвы не были битвами великаго тактика, за то онѣ дали ему право называться великимъ человѣкомъ. Никакое злополучіе ни на минуту не могло лишить его твердости или полного присутствія духа. Его пораженія исправлялись съ такою изумительною быстротою, что, прежде чѣмъ враги его успѣвали отслужить благодарственный молебень, онъ уже снова готовъ былъ къ бою; сверхъ того, неудачи никогда не лишали его уваженія и довѣрія его солдатъ. Этимъ уваженіемъ и довѣріемъ онъ не мало обязанъ былъ личной своей храбрости. Храбрость въ той степени, которая необходима, чтобы солдатъ не опозорился въ теченіе кампаніи, имѣется, или, при надлежащей выучкѣ, можетъ явиться у огромнаго большинства людей. Но храбрость, какою обладалъ Вильгельмъ, представляетъ дѣйствительно рѣдкое явленіе. Онъ былъ испытанъ всяческими испытаніями: войною, ранами, тяжкими и гнетущими недугами, бушующими морями. крайнею и постоянною опасностью отъ руки убійцы, опасностью, которая потрясала очень крѣпкіе нервы, опасностью, которая жестоко поколебала даже адамантовую твердость Кромвелля. Однако никто никогда не могъ открыть такого предмета, котораго бы принцъ Оранскій боялся. Его со-

вѣтники съ трудомъ могли уговорить его принимать предосторожности противъ пистолетовъ и кинжаловъ заговорщиковъ (¹). Старые моряки изумлялись спокойствію, которое онъ сохранялъ среди ревущихъ буруновъ у опаснаго берега. Въ бою храбрость его обращала на себя вниманіе даже между десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, вызывала благородное одобреніе у неприятельскихъ армій и никогда не заподозривалась даже несправедливостью враждебныхъ факцій. Во время первыхъ своихъ кампаній онъ подвергался опасности какъ человѣкъ, искавшій смерти, всегда былъ первымъ при нападеніи и послѣднимъ при отступленіи. съ мечомъ въ рукѣ, дрался въ самой густой толпѣ и, не взирая ни на пулю, засѣвшую въ его рукѣ, ни на кровь, струившуюся по его кирасѣ, стойко держался на мѣстѣ и махалъ шляпою подъ самымъ жаркимъ огнемъ. Друзья заклинали его беречь жизнь, безцѣнную для его родины. Знаменитѣйшій его противникъ, великій Конде, послѣ кровопролитнаго сраженія при Сенефѣ, замѣтилъ, что принцъ Оранскій во всѣхъ отношеніяхъ велъ себя какъ старый генералъ, за исключеніемъ того, что подвергался опасности какъ молодой новобранецъ. Вильгельмъ не признавалъ себя виновнымъ въ безразсудной отвагѣ. Онъ говорилъ, что былъ всегда на опасномъ мѣстѣ по чувству долга и по холодному разсчету требованій общественной пользы. Войска, которыми онъ командовалъ, были мало привычны къ войнѣ и боялись рукопашной схватки съ опытными французскими солдатами. Нужно было, чтобы ихъ вождь показалъ имъ, какъ выигрываются

(¹) Друзья Вильгельма, послѣ Рисвикскаго мира, настоятельно упрашивали его, чтобы онъ серьезно поговорилъ съ французскимъ посломъ о злодѣйскихъ умыслахъ, которые постоянно составлялись противъ его жизни сенъ-жерменскими якобитами. Холодное великодушіе, съ какимъ принимались эти предостереженія, необыкновенно характеристично. Бентинку, который прислалъ изъ Парижа весьма тревожное извѣстіе, Вильгельмъ, въ концѣ длиннаго дѣловаго письма, отвѣтилъ только: — «Pour les assasins je ne luy en ay pas voulu parler, croiant que c'étoit au desous de moy.» 1/12 мая 1698. Удерживаю подлинное правописаніе. если только оно можетъ быть названо правописаніемъ.

сраженія. И дѣйствительно, не разъ случалось, что битва, ка-
завшаяся безнадежно проигранною, оканчивалась успѣшно, бла-
годаря неустрашимости, съ какою онъ собиралъ свои разстроен-
ные батальоны и собственноручно убивалъ трусовъ, подававшихъ
Его лю- примѣръ бѣгства. Иногда, впрочемъ, онъ какъ будто находилъ
бось къ какое-то странное удовольствіе рисковать собою. Замѣчено было,
опасно- сти. что расположеніе его духа никогда не бывало такъ хорошо, а
манеры такъ граціозны и развязны, какъ среди шума и крово-
пролитія битвы. Даже въ забавахъ искалъ онъ упоенія опасно-
сностью. Карты, шахматы и бильярдъ не доставляли ему ника-
кого удовольствія. Охота была любимымъ его развлеченіемъ, и
чѣмъ болѣе было въ ней риску, тѣмъ болѣе она ему нравилась.
Онъ иногда заставлялъ своего коня дѣлать такіе скачки, что от-
важнѣйшіе его товарищи не рѣшались слѣдовать за нимъ. Са-
мыя смѣлыя англійскія забавы считалъ онъ, кажется, изнѣжен-
ными и тосковалъ въ большомъ виндзорскомъ паркѣ по дичи,
которую привыкъ травить въ гелдернскихъ лѣсахъ: по волкамъ,
дикимъ кабанамъ и огромнымъ оленямъ съ рогами о шестнад-
цати вѣтвяхъ (а).

Его пло- Отважность его духа была тѣмъ замѣчательнѣе, что тѣлосло-
хое здо- женіе его было необыкновенно нѣжно. Съ дѣтскаго возраста
ровье. онъ былъ слабъ и болѣзненъ. Въ цвѣтъ лѣтъ къ недугамъ его
присоединилась жестокая оспа. Онъ страдалъ одышкой и имѣлъ
расположеніе къ чахоткѣ. Его слабая грудь изнемогала отъ по-
стояннаго хриплаго кашля. Онъ не могъ уснуть, не подложив-
ши подъ голову нѣсколькихъ подушекъ, и почти не могъ дышать
въ мало-мальски нечистомъ воздухѣ. Его часто мучили жестокія

(а) Изъ Виндзора онъ писалъ Бентинку, бывшему тогда посломъ въ Парижъ: «J'ay pris avant hier un cerf dans la forest avec les chains du Fr. de Denm. et ay fait un assez jolie chasse, autant que ce vilain pays le permest.» $\frac{20 \text{ марта}}{1 \text{ апрѣля}}$ 1698. Ореографія плоха, но не хуже ореографіи Наполеона. Въ лучшемъ расположеніи духа писалъ Вильгельмъ изъ Лoo: «Nous avons pris deux gros cerfs, le premier dans Dorewaert, qui est un des plus gros que je sache avoir jamais pris. Il porte seize.» $\frac{25 \text{ окт.}}{4 \text{ нояб.}}$ 1697.

головныя боли Напряженіе силъ быстро утомляло его. Доктора постоянно поддерживали надежды его враговъ, то и дѣло назначая срокъ, далѣе котораго, по всѣмъ сколько-нибудь достовѣрнымъ соображеніямъ медицинской науки, невозможно было, чтобы его разстроенный организмъ могъ выдержать. Однако, въ теченіе всей жизни Вильгельма, которая была однимъ продолжительнымъ недугомъ, сила его духа ни разу, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, не переставала поддерживать его страждущее и немощное тѣло.

Природа надѣлила его пылкими страстями и живою впечатлительностью; но свѣтъ и не подозрѣвалъ силы его чувствъ. Отъ взоровъ толпы его радости и печали, симпатіи и антипатіи, скрывались личиною флегматическаго хладнокровія, вслѣдствіе чего онъ прослылъ за самаго холоднаго изъ людей. Тѣ, которые приносили ему хорошія вѣсти, рѣдко могли подмѣтить въ немъ признаки удовольствія. Тѣ, которые видѣли его послѣ пораженія, тщетно искали на его лицѣ слѣдовъ огорченія. Онъ хвалилъ и бранилъ, награждалъ и наказывалъ съ суровымъ спокойствіемъ могоккаго вождя; но тѣмъ, которые хорошо его знали и близко его видѣли, извѣстно было, что подъ ледяною оболочкою постоянно пылалъ жестокой огонь. Гнѣвъ рѣдко лишалъ его способности самообладанія. Но когда ему случалось дѣйствительно разгнѣваться, первый взрывъ его страсти былъ ужасенъ. Почти нельзя было тогда подступать къ нему. Впрочемъ, въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ только онъ приходилъ въ себя, онъ немедленно давалъ тѣмъ, кого оскорбилъ, такое полное удовлетвореніе, что у нихъ чуть не рождалось желанія, чтобы онъ снова пришелъ въ бѣшенство. Его расположеніе было также стремительно, какъ и его гнѣвъ. Кого онъ любилъ, того любилъ онъ со всею энергіею сильной души. Когда смерть разлучала его съ предметомъ любви, немногочисленные свидѣтели его отчаянія трепетали за его рассудокъ и жизнь. Для очень небольшого кружка задушевныхъ друзей, на вѣрность и скромность которыхъ онъ могъ безусловно полагаться, онъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того сдержаннаго и стоическаго Вильгельма, котораго толпа считала лишеннымъ человѣческихъ чувствъ. Онъ былъ ла-

Холодность его
Отънаверъ и
силъ его
чувствъ.

сковъ, радушенъ, откровененъ, даже обходителенъ и шутивъ, охотно просиживалъ за столомъ цѣлые часы и принималъ живое участие въ веселой бесѣдѣ. Болѣе всѣхъ въ милости у него былъ ^{Его дружба съ Бентинку.} одинъ изъ членовъ его придворнаго штата, по имени Бентинкъ, потомокъ благородной батавской фамилии, которому суждено было сдѣлаться родоначальникомъ одного изъ знаменитыхъ патриціанскихъ домовъ Англіи. Преданность Бентинка выдержала необыкновенное испытаніе. Въ то время, когда Соединенныя провинціи боролись за свое существованіе противъ Французской державы, молодой принцъ, на котораго возлагались всѣ ихъ надежды, занемогъ оспою. Эта болѣзнь была роковою для многихъ членовъ его фамилии и сначала имѣла у него крайне злокачественный характеръ. Общественное смущеніе было велико. На улицахъ Гаги съ ранняго утра до поздняго вечера толпились лица, заботливо освѣдомлявшіяся о здоровьи его высочества. Наконецъ его недугъ принялъ благопріятный оборотъ. Спасеніе его приписывалось частью его собственному удивительному терпѣнію, частью же неустрашимой и неутомимой дружбѣ Бентинка. Изъ рукъ одного только Бентинка принималъ Вильгельмъ пищу и лекарство. Одинъ только Бентинкъ поднималъ Вильгельма съ постели и укладывалъ его. «Спалъ или не спалъ Бентинкъ во время моей болѣзни, съ необыкновенною иѣжностью говорилъ Вильгельмъ Темплю: этого я не знаю. Но знаю то, что въ теченіе шестнадцати дней и ночей, лишь только мнѣ случалось спросить что-нибудь, Бентинкъ тотчасъ же являлся передо мною.» Прежде чѣмъ вѣрный слуга окончательно исполнилъ свою задачу, онъ самъ заразился оспою. Не смотря на то, онъ боролся съ дремотою и лихорадкою до тѣхъ поръ, пока его государь не былъ признанъ выздоравливающимъ. Тогда, наконецъ, Бентинкъ попросилъ позволенія отправиться домой. Да и пора была, потому что онъ едва держался на ногахъ. Онъ былъ на краю гроба, но оправился, и, какъ только всталъ съ постели, тотчасъ поспѣшилъ въ армию, гдѣ, въ теченіе многихъ трудныхъ кампаній, какъ и въ опасности другаго рода, постоянно находился подлѣ Вильгельма.

Таково было начало горячей и чистой дружбы, не уступающей